

ГОДЪ ВЪ ВЕНГРИИ.

Очерки и замѣтки.

(Продолженіе)¹⁾.

Венгерская пресса состоитъ, если можно такъ выразиться, изъ мадьярскихъ и нѣмецкихъ газетъ, а также есть и малая толика румынскихъ, сербскихъ, словацкихъ и иныхъ периодическихъ изданій. Но почти всѣ газеты, на какомъ бы онѣ языкѣ не издавались, твердо слѣдуютъ теченію мадьярской политики.

Въ Темешварѣ—городѣ съ шестидесятитысячнымъ населеніемъ—издается восемь газетъ: 3 мадьярскихъ и 5 нѣмецкихъ. Наибольше распространенная мадьярская газета «*Délmagyarország*» (Дельмадьярорсаль—Южная Венгрія)—политическій органъ; затѣмъ—«*Temesvári Hirlap*» Темешвари Хирлапъ—Темешварскія Извѣстія) и «*Temesvári Ujság*» (Темешвари Уйшагъ—Темешварская газета) обѣ съ клерикальнымъ оттѣнкомъ. Самая ходовая нѣмецкая газета—«*Temesvarer Zeitung*», которая хотя и считается руководящимъ органомъ здѣшняго нѣмецкаго населенія, но все же чисто нѣмецкой ее назвать нельзя. Напечатана она нѣмецкими буквами, духъ въ ней мадьярскій. Затѣмъ слѣдуетъ «*Volksblatt*»—маленькая, по

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 7.

бойко ругающаяся газетка, органъ здѣшнихъ социаль-демократовъ. Эта газетка состоитъ въ постоянной оппозиціи къ здѣшней клерикальной газетѣ «Temesvári Ujág». Затѣмъ имѣются еще двѣ миролюбивыя нѣмецкія газеты «Südongarische Reform» и «Alte Temesvarer Zeitung», да еще органъ рабочихъ, названіе котораго я забылъ.

Для всей же Венгріи руководящую роль играютъ Будапештскія газеты, изъ которыхъ «Pesti Hirlap» (Пешти Хирлапъ—Пештскія Извѣстія)—самая большая и распространенная, политическая газета Венгріи, органъ мадьярскаго правительства; «Az Ujság» (Азь Уйшагъ—газета)—спеціально ругаетъ всѣхъ и все и изощрилась въ этой ругани неподражаемо; «A Vilag» (А Вилагъ—Свѣтъ)—серьезная газета, въ которой часто помѣщаются великолѣпныя статьи научнаго содержанія.

Венгерская пресса крайне нервна и впечатлительна и частенько бьетъ въ набатъ, не разобравши сути дѣла.

Какъ примѣръ, позволю себѣ привести одинъ характерный случай, происшедшій въ Темешварѣ въ началѣ декабря 1911 года. Одинъ кунеческій сынокъ возвращался поздно ночью изъ ресторана черезъ паркъ Франца-Иосифа и былъ въ этомъ паркѣ ограбленъ. Морозной ночью, безъ сюртука и жилета, съ опустошенными карманами явился онъ въ полицейскій участокъ и заявилъ о своемъ несчастіи, причемъ горько жаловался на то, что на его крики о помощи не отозвались ни парковые сторожа, ни полицейскіе.

По поводу этого случая всѣ темешварскія газеты подняли страшный вопль. Описали подробно и самыми мрачными красками сцену ограбленія, а въ передовыхъ статьяхъ разнесли въ пухъ и прахъ темешварскую позицію и жандармерию, обвиняя ихъ въ инертности и горько сѣтуя на то, что жизнь и имущество темешварскихъ гражданъ—въ опасности.

Статьи были написаны страстно, горячо и увлекательно. Смущенная нападками полиція усиленно принялась за розыски грабителей и вскорѣ выяснила, что грабежъ этотъ былъ ничто иное, какъ симуляція, ловко устроенная купеческимъ сынкомъ, который проигралъ въ карты все, вслѣдствіе до сюртука и жилета. Не желая сознаваться въ проигрышѣ родителямъ, онъ разыгралъ роль ограбленнаго, но припертый къ стѣнѣ собранными уликами онъ сознался въ своемъ обманѣ.

И сейчасъ же всѣ газеты пропѣли хвалебные гимны темешварской полиціи, а по адресу симулянта хватили хлесткими статьями,

въ которыхъ заклеили его вѣчнымъ позоромъ и требовали даже проведенія въ парламертѣ особаго закона для наказанія подобныхъ обманщиковъ...

Бываетъ довольно часто, что здѣшняя печать впадаетъ въ паоосъ изъ за явныхъ пустяковъ...

Напримѣръ, темешварскіе садоводы устроили цвѣточную выставку. Въ газетахъ по этому поводу появились статьи, въ которыхъ высокопарнымъ слогомъ восхвалялась выставка. «Волшебное зрѣлище»; «цѣлыя роци пальмъ»; «милліоны лилій»; «рѣдкіе экземпляры тюльпановъ»; «изумленные зрители»; «чарующій видъ» — такими выраженіями пестрѣли эти статьи. Въ заключеніе высказывалось мнѣніе, что выставка эта имѣетъ не только мѣстное значеніе, но и другимъ городамъ полезно было бы посѣтить эту выставку, а въ одной изъ статей даже былъ намекъ на то, что вѣроятны посѣщенія и изъ за границы.

Ужъ если такая замѣчательная выставка эта, что рекомендуется пріѣзжать издалека, то грѣшно мнѣ, живущему въ Темешварѣ, не осмотрѣть ее.

Отправился я на выставку. И чтожъ? Выставка оказалась самая заурядная, совершенно не стоящая не только восторженныхъ статей, но даже и простой замѣтки.

«Роци пальмъ»; — это были двѣ довольно чахлыя пальмы; «Милліоны лилій» — десятка четыре горшковъ съ этими цвѣтами; «Изумленные зрители» — таковыхъ я не видѣлъ, но самъ былъ чрезвычайно изумленъ... нахальствомъ рецензентовъ, описывающихъ подобныя небылицы, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Да, впрочемъ, тутъ пишутъ почти обо всемъ преувеличенно-восторженные статьи и рецензіи.

Напримѣръ, при описаніи какого либо зауряднаго танцевальнаго вечера, рецензентъ накатываетъ такую статью, что читаешь и диву даешься. И какихъ только эпитетовъ въ этой статьѣ нѣтъ! И «сверхъ-изящные туалеты дамъ». и «восхитительно-граціозные танцы», и «волшебно-чарующее зрѣлище прелестныхъ дамъ и невинныхъ дѣвицъ, мило бесѣдующихъ со своими кавалерами».

Вообще хватаютъ въ описаніяхъ черезъ край и нисколько не стѣсняются преувеличивать факты и раздувать изъ обыденныхъ событій какія то фантастическія небылицы.

VIII. Арадъ, Коложварь, Дебреценъ, Каша, Татра, Пожонь.

Какъ нѣмцы и мадьяры не расхваливаютъ Темешварь, но настоящей Венгріи я видѣлъ здѣсь мало.

Овладевъ немного разговорнымъ мадьярскимъ языкомъ, я рѣшилъ объѣхать Врингрію; осмотрѣть наиболѣе замѣчательные города ея; посѣтить Татру, озеро Балатонъ (Платензее) и юго-восточную область Карпаты.

Круговыхъ билетовъ на венгерскихъ желѣзныхъ дорогахъ нѣтъ, но имѣются особые, 15-ти-дневные билеты, съ которыми можно ѣхать по всѣмъ казеннымъ линіямъ.

Собравъ свой несложный багажъ, рано утромъ выѣхалъ я изъ Темешвара и черезъ полтора часа прибылъ въ Арадъ. Единственный въ Венгріи городъ, гдѣ наряду съ пассажирскими автобусами, курсирующими по улицамъ, сохранилась древняя конка, которую лѣниво тащатъ венгерскія лошадки.

Почти у самаго вокзала раскинулась маленькая ярмарка съ матеріями, готовымъ платьемъ, посудой, обувью, мебелью и пр. Тутъ же нѣсколько балагановъ, моментальная фотографія и качели.

Пройдя ярмарку, я вышелъ на широкую улицу съ разбитымъ посреди довольно жидкимъ скверомъ.

Дома въ стилѣ модернъ; во дворахъ виднѣются хорошенькіе садики съ цвѣтниками. На скверѣ красуется бронзовый памятникъ Кошуту. Пройдя мимо красиваго зденія ратуши и довольно старенькаго театра, я очутился на площади «Свободы», посреди которой возвышается большой памятникъ тридцати венгерскимъ генераламъ, казненнымъ австрійцами 6-го октября 1849 г.

Послѣ Вилагоша, гдѣ мадьяры сложили оружіе передъ нашими войсками, австрійки принялись чинить судъ и расправу. Обозленные на старшихъ мадьярскихъ вождей, они 3-хъ разстрѣляли, а остальныхъ героевъ, израненныхъ на поляхъ битвъ, предали позорной казни черезъ повѣшеніе.

Мадьяры свято чтутъ память казненныхъ и въ годовщину казни многіе города присылаютъ депутаціи съ вѣнками и ультра-революціонными ораторами.

Арадъ болѣе мадьярскій городъ, чѣмъ Темешварь. Тутъ даже вывѣски на магазинахъ исключительно мадьярскія, а въ Тамешварѣ—и мадьярскія, и нѣмецкія, и сербскія, и румынскія. Но при-

слушиваясь къ разговору обывателей, я нерѣдко слышалъ и нѣмецкую, и румынскую рѣчь.

Отъ площади «Свободы» по новому мосту черезъ широкую здѣсь рѣку Марошъ, я попалъ въ старую крѣпость. Крѣпость упразднена и служить теперь, какъ войсковая казарма, но почти всѣ валы и многія крѣпостныя постройки сохранились хорошо и, кажется, «втихомолку» ремонтируются и поддерживаются «на всякій случай». Въ крѣпости, на мѣстѣ казни венгерскихъ генераловъ, насыпанъ холмъ—«Голгофа».

Перейдя по мосту обратно въ Арадъ, я прошелся по набережной дамбѣ и затѣмъ попалъ въ маленькій, но благоустроенный и тѣнистый паркъ. Около парка пролегаетъ одна изъ лучшихъ улицъ Арада—улица «Королевы Елизаветы».

Машиностроительный и паровозный заводъ, паровыя мельницы и лѣсопилки, большіе амбары съ зерномъ, изрядное количество банковъ и сберегательныхъ кассъ—показываютъ, что Арадъ занимаетъ не послѣднее мѣсто среди промышленныхъ городовъ.

Пройдя по нѣкоторымъ окраиннымъ улицамъ, ничего особеннаго изъ себя не представлявшимъ, и прогулявшись по большому тѣнистому парку, лежащему около вокзала, я закончилъ осмотръ Арада и двинулся въ Коложваръ.

Отъ Арада по обѣимъ сторонамъ пути разстилается еще «Великая Венгерская равнина», но на востокъ уже виднѣются очертанія горъ. Кругомъ масса виноградниковъ, которые производятъ распространенный здѣсь сортъ дешеваго вина «Мадьяради».

Въ 35 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Арада, у подножія горъ лежитъ небольшой городокъ Вилагошъ, гдѣ Гѣргей сложилъ оружіе передъ русскими войсками.

Вскорѣ мы ѣдемъ долиной р. Мароша среди красивой горной мѣстности. Зеленая, не особенно высокія горы, тянутся по обѣ стороны пути. Кое-гдѣ встрѣчаются развалины старыхъ замковъ, одиноко торчащихъ на вершинахъ горъ. Желѣзнодорожное полотно подходитъ временами къ самому берегу Мароша, текущему по устьянному камнями руслу съ шумомъ и ревомъ.

По пути часто попадаются цвѣтуція селенія, заводы, узловыя станціи. Отъ станціи Дева, какъ мнѣ говорили, отходитъ путь къ золотому руднику «Надьягъ». Отъ станціи Пишки отходятъ двѣ желѣзнодорожныя линіи: одна—къ городу Петрошень, другая—къ Вайда-Хуниадъ. Первая славится красивыми мѣстами, а Вайда-Хуниадъ—большой и довольно хорошо сохранившійся замокъ, при-

надлежавшій нѣкогда знаменитому венгерскому полководцу, Яношу Хуніади. Между прочимъ у насъ въ Россіи, да и во многихъ мѣстахъ заграницей, его называютъ не Яношъ, а Яносъ. Дѣло въ томъ, что мадьярское *s* всегда произносится, какъ *ш*, о чемъ, конечно, не всѣмъ извѣстно.

Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что мѣстность, по которой я проѣзжаю, почти сплошь заселена румынами. Мадьяры и нѣмцы встрѣчаются лишь среди чиновничества, да помѣщиковъ.

Доѣхавъ до станціи Тѳвушъ, пересаживаюсь на другой поѣздъ, на которомъ благополучно прибываю въ Коложваръ поздно вечеромъ.

Проведя ночь въ отелѣ «Ungaria», я рано утромъ приступаю къ осмотру города.

Коложваръ, главный городъ Седмиградіи (или какъ нѣмцы его называютъ Клаузенбургъ) производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Чистыя, прекрасно вымощенныя плитнякомъ или асфальтированныя улицы; красивой архитектуры частные дома и стильныя общественныя зданія. На улицахъ большое оживленіе. И несмотря на то, что Коложваръ—большой городъ, въ немъ дышится легко. Въ воздухъ не чувствуется духоты и смрада, присущихъ большимъ пентрамъ.

Красива громадная «Площадь короля Матвѣя», лежащая въ самомъ центрѣ города. Посреди площади возвышается большое, сѣрое зданіе католическаго собора св. Михаила, построеннаго почти 500 лѣтъ тому назадъ. Около собора возвышается величественный и стильный памятникъ одному изъ самыхъ популярныхъ королей Венгріи—Матвѣю Корвину.

Недалеко отъ площади, на улицѣ «Короля Матвѣя» подъ № 3 находится возстановленный по стариннымъ рисункамъ домъ, въ которомъ родился этотъ король. Внутри этого дома устроенъ небольшой этнографическій музей, за обзорѣніе котораго взимаютъ одну крону.

Пройдя по «Юкай» и «Мико» улицамъ, я попалъ въ Ботаническій садъ, принадлежащій здѣшнему университету. Садъ небольшой, но содержится хорошо. Около сада—цѣлый рядъ зданій университетскихъ клиникъ.

И гдѣ не проходишь—въ центральной ли части города, или же по окраинамъ—вездѣ на улицахъ чистота, вездѣ симпатичные по внѣшности дома. Но особенно симпатична улица «Елизаветы», тянущаяся къ цитадельной горѣ. Прелестныя, стильныя домики, съ

разбитыми передъ ними цвѣтниками и садами; виноградники, густо покрывающіе склонъ горы и чудный видъ, открывающійся съ этой улицы, по мѣрѣ подъема, на Коложваръ и его окрестности—все это дѣлаетъ ее одной изъ самыхъ привлекательныхъ улицъ этого города.

Поднимаясь еще выше въ гору, можно добраться до старой цитадели съ хорошо сохранившимися валами и рвами. Цитадель уже утратила свое боевое значеніе и теперь служитъ какъ казарма и войсковой складъ.

Спускаясь обратно внизъ, я встрѣтилъ большую группу крестьянъ, возвращавшихся съ базара. Мужчины одѣты почти также, какъ и мадьяры, но на шляпахъ у нихъ прикрѣплены не то султаны, не то пучки какихъ то бѣлыхъ перьевъ. Дѣвицы щеголяли въ красныхъ сафьяновыхъ высокихъ сапогахъ. У всѣхъ почти дѣвицъ къ концу косы была привязана длиннѣйшая (до полу) лента. Это были секельцы (szekely)—племя близко стоящее по языку и обычаямъ къ мадьярамъ.

Большинство сельскаго населенія Седмиградіи составляютъ румыны; затѣмъ встрѣчается много саксовъ, перекочевавшихъ съ давнихъ поръ въ эту страну. Мадьяры и нѣмцы составляютъ здѣсь преимущественно городское населеніе, среди котораго можно встрѣтить также сербовъ, болгаръ, словаковъ, грековъ и армянъ. Въ самомъ Коложварѣ я видѣлъ много евреевъ.

Послѣ кратковременнаго отдыха, я отправился вечеромъ въ «садъ Ракоци». Отъ зданія лѣтняго театра къ этому саду идетъ прекрасная, широкая, тѣнистая аллея, по которой взадъ и впередъ снуютъ гуляющіе и несутся экипажи—совсѣмъ маленькій Пратеръ. Небольшой, но благоустроенный паркъ, прудъ съ островкомъ посрединѣ, прекрасный ресторанъ, передъ которымъ разбиты громадныя, цвѣточныя клумбы. По всему парку разставлено много скамеекъ и стульевъ, на которыхъ за 6 хеллеровъ можно посидѣть и послушать играющій въ ресторанѣ военный оркестръ.

Я съ большимъ удовольствіемъ провелъ этотъ вечеръ среди коложварской публики, наблюдая мѣстные нравы. Долженъ сказать откровенно, что коложварское общество держитъ себя очень благородно. Есть, конечно, исключенія, но они почти незамѣтны въ общей массѣ. Вотъ только у мѣстныхъ дамъ замѣтно чрезвычайное пристрастіе къ утрировке моды.

Недалеко отъ парка протекаетъ горная рѣчка Самошъ, шумно катящая свои воды по каменистому руслу. По ту сторону рѣчки, на

горѣ виднѣется освѣщенный ресторанъ «Ержебэтъ мулато», что въ переводѣ означаетъ—увеселительное мѣсто Елизаветы. Долженъ оговориться, что всѣ эти «улицы Елизаветы», «парки Елизаветы» и т. п. названы въ честь покойной супруги императора Франца Іосифа, пользовавшейся большою популярностью среди мадьяръ.

...Разговоры вокругъ меня слышатся, большей частью, на мадьярскомъ языкѣ; кое-гдѣ прозвучить своеобразная и красивая румынская рѣчь; иногда прочавкаютъ на испорченномъ нѣмецкомъ языкѣ...

Поздно вечеромъ я долженъ покинуть Коложваръ—этотъ симпатичный и по внѣшности, и по духу городъ Венгріи.

...Снова я въ поѣздѣ, несущемъ меня изъ красивой горной Седмиградіи къ унылымъ и однообразнымъ степямъ венгерской равнины, въ Дѣбреценъ (а не Дебречинъ, какъ принято почему-то выговаривать у насъ).

Послѣ ночной пересадки на станціи Пюшпѣкъ-Ладанъ, я рано утромъ прибылъ въ Дебреценъ—заядлый мадьярскій городъ, представляющій для мадьяръ то же, что Москва для насъ, Варшава для поляковъ, Прага для чеховъ, словомъ—очагъ мадьярскаго націонализма.

Въ 1848 г. Дебреценъ игралъ роль временной столицы Венгріи, когда венгерское правительство и депутаты съ Кошутомъ во главѣ переселились сюда изъ Будапешта, продолжая управлять внутренними дѣлами Венгріи и дѣйствіями войскъ противъ австрійцевъ.

Съ вокзала я ѣхалъ по улицѣ «Хуніади». Видъ этой улицы довольно провинціальный, дома маленькіе и невзрачные на видъ. Мое вниманіе привлекла только синагога—зданіе весьма красивой и затѣйливой архитектуры.

Отдохнувъ немного въ гостиницѣ, я отправился осматривать городъ. Послѣ 3-хъ-часового хожденія по улицамъ, я зашелъ въ кафэ и за легкимъ завтракомъ подводилъ итоги своимъ впечатлѣніямъ.

С. Плехановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).